

**ЖИВОЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
ВЫЖИВШИХ О МАССОВЫХ ЭКЗЕКУЦИЯХ,
ПРОВОДИМЫХ НАЦИСТАМИ НА БЕЛАРУСИ (1941–1944)**

Во время работы над документами по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны нам приходилось часто встречаться с уникальными свидетельствами людей, случайно выживших во время массовых расстрелов населения гитлеровцами, карательных акций и других экзекуций. Истории эти не всегда возможно было представить и осознать, но они вызывают восторг и восхищение. Казалось, у человека, стоящего на краю расстрельного рва под дулами винтовок и автоматов, находившегося в охваченном огнем заколоченном сарае, церкви и т.п., не было никаких шансов выжить. Но, как свидетельствуют документы, случались исключения. Иногда они выходят за пределы понимания, что впору поверить в чудо.

Именно так легче всего объяснить спасение всемирно известного ныне бывшего жителя Хатыни Иосифа Каминского, образ которого запечатлен в мемориале «Хатынь». О нем мы подробнее скажем ниже.

Вспомним малоизвестный случай спасения Клавдии Циро, за месяц до вышеупомянутой трагедии. Во время проведения карательной операции «Зимнее волшебство» каратели согнали в сарай жителей трех небольших деревень (Бузово, Шабалы, Корзуны), а затем расстреляли их огнем из пулемета, установленного в окне. После этого сарай и д. Бузово сожгли. Но случилось чудо. Одной из жертв удалось вырваться из объятых пламенем сарая. Как это было, на всю жизнь запомнилось 13-летней жительнице деревни В. С. Любимовой, о чем она рассказала спустя много лет.

«Жена двоюродного брата моей мамы Циро Клавдия во время такой экзекуции была легко ранена и упала, на неё упали муж и сын. Когда уже начали тлеть тела, она поднялась, потрясла сына, мужа (они были мертвы – застрелены) и потом сама сквозь огонь выскочила на улицу. Каратели уже уехали, решив что, что сделали своё черное дело. Она ушла в поле, где стоял стог сена, и зарылась в него. Спустя сутки после этой трагедии ее нашла разведка партизан и привезла к моим родителям. Она обо всем рассказала и партизанам и моим родителям, но не выдержало сердце, как констатировал врач (я не знаю его фамилии), умерла от разрыва сердца» [1, с. 356].

О фактах спасения, о случайно выживших во время расстрелов и массовых экзекуций мы знаем из различных документах военного и послевоенного времени, из опубликованных и неопубликованных мемуарных источников, из официальных материалов Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию преступлений гитлеровцев, а также из материалов судебно-следственных дел на бывших нацистских преступников и их помощниках. В данной статье мы поставили цель обратить внимание на этот комплекс документов, на свидетельства случайно выживших во время расстрелов и экзекуций советских людей.

Обзор сведений начнем с материалов ЧГК, которые создавались по свежим следам событий¹. Свидетельствам этих людей уделялось должное внимание, и их показания включались в официальные документы – акты городских, районных и областных комиссий ЧГК. Показания случайно выживших во время карательных экзекуций являлись важными, порой самыми вескими аргументами на судебных процессах против нацистских преступников и их помогателей.

Чтобы читателю было ясно, какая информация отражалась в актах комиссий ЧГК, в качестве примера приведем некоторые выдержки из них. Так, в акте Речицкой районной комиссии ЧГК о совершенных злодеяниях немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории Речицкого района и города Речица за период временной оккупации с августа месяца 1941 по ноябрь месяц 1943 года, который был составлен 21 апреля 1945 г. и подписан председателем комиссии В. П. Половинко (секретарь Речицкого РК КП(б)Б), членами комиссии В. А. Костромой (председатель Речицкого райсовета депутатов трудящихся), И. Ф. Павловским (председатель Речицкого горсовета депутатов трудящихся), Н. И. Романенко, (районный прокурор), райсудмедэкспертом О. Ф. Лебской, а также гражданами города Речица (И. И. Бондаренко, Н. А. Шестаковым, В. Ф. Шмойловым) и протоиереем Речицкого собора Александром Петровским, отмечалось: «О немецко-фашистских злодеяниях случайно оставшаяся в живых гр-ка Матвеева Екатерина Анатольевна комиссии рассказала: “В конце ноября месяца 1941 г. все еврейское население города Речицы немцы согнали в 2-х этажное здание фабричного района, огороженное колючей проволокой, куда было согнано примерно 785 семей, что составляло около 3 000 человек, а затем приступили к массовому расстрелу. Примерно 25 ноября 1941 г. утром, к тюрьме, где содержались военнопленные, коммунисты и актив города, подъехали 3 автомашины, на которых грузили по 30–35 человек, а затем их увозили за город, где безжалостно расстреливали...»

Процесс расстрела граждан проходил в следующем порядке: машины с нагруженными на них людьми подходили к противотанковому рву, из них выгружали по 15–20 человек, людей ставили в противотанковый ров, а затем из автоматов расстреливали их. К противотанковому рву подвели 7-ю машину, на которой находилась и моя мать. Вместе с другими мы с матерью были поставлены в противотанковый ров, по нам дали залп из автоматов – мы упали. Будучи ранеными, мы с большим трудом освободились от навалившихся на нас трупов”» [2, оп. 1, д. 6, л. 337–339, 345; 3, с. 87–88, 204].

В «Акте Барановичской городской комиссии ЧГК о преступлениях, совершенных гитлеровцами в г. Барановичи и его окрестностях» от 1 января 1945 г. помещена выдержка из рассказа жительницы станицы Лесная Серафимы Юдкевич, которая случайно осталась живой во время расстрела: «13 марта 1942 г. нас, 42 человека, вывезли на автомашине за ст. Лесная. Когда машина остановилась возле ямы, мы поняли, что были привезены на расстрел. Среди нас было 19 детей от 8 месяцев до 7 лет. Руководящий

¹ Комиссии ЧГК действовали с 1942 по 1946 (?) г.

расстрелом немец по имени Роберт приказал всех грудных детей положить на краю ямы, а матерям стать возле них. Когда были расстреляны мужчины и женщины без детей, то по его команде немцы медленно штыками сбрасывали детей в ямы, а потом убили и матерей» [4, с. 230].

В «Акте Минской областной комиссии ЧГК о преступлениях гитлеровцев в окрестностях деревни Малый Тростенец» от 25 июля 1944 г. приведено свидетельство Степаниды Ивановны Савинской, также случайно спасшейся во время расстрела. Минчанка С. И. Савинская была арестована СД 29 февраля 1944 г. вместе с мужем Я. В. Савинским по подозрению в партизанской деятельности. После длительных пыток в СД их в середине мая перевели в концлагерь на ул. Широкой, а затем 30 июня 1944 г. доставили к месту уничтожения в лагерь Тростенец. «Здесь мы все узнали, что нас привезли на расстрел. Мы слышали, как у передовой автомашины, где находились арестованные мужчины, раздалась команда “выходи по два”, после чего слышались выстрелы из автомата и револьверов. Вскоре очередь дошла и до меня. Я совместно с Голубович Анной и Семашко Галиной и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, по команде немцев вышли из машины и взошли на штабель трупов. Когда послышались выстрелы, я упала и была легко ранена в голову. Я лежала на трупах до позднего вечера. Немецкие палачи привозили в этот день еще две машины с женщинами, которые были расстреляны на моих глазах. Среди них были и дети в возрасте от 3 до 10 лет...» [5, с. 105–106]. С. И. Савинской удалось выбраться из под трупов, вырваться из горящего сарая и под покровом темноты спрятаться в болоте. Через 15 дней вконец обессиленная она пришла в д. Малый Тростенец, где и узнала что Минск уже освобожден Красной армией. Воспоминания С. И. Савинской были опубликованы в 1963 г. в сборнике документов и материалов «Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии 1941–1944» [6, с. 188–189].

В акте Полоцкой областной комиссии ЧГК от 9 мая 1945 г. приведены также свидетельства случайно спасшейся от расстрела Нины Ивановны Матецкой. «Я, вместе с депутатом областного совета Матюшковым, учительницей Фальковской и другими, 20 октября 1942 г. были арестованы немецким гестапо и заключены в лагерь 24 ноября 1942 года, нас, в количестве 8 человек, положили в закрытую автомашину, на которой подвезли к яме расстрела, где уже было 700–800 трупов, расстрелянных и раздетых догола. Из автомашины нас выводили по одному человеку и подводили к яме с трупами. Стоявший у ямы немецкий офицер ударял подводимого железным ломом по голове и сталкивал его в яму и, если упавший проявлял признаки жизни, его пристреливали. Меня подвели к яме седьмой, стоявший рядом немецкий офицер ломом нанес мне удар по голове, после чего я потеряла сознание и выстрела не слышала. Находясь в яме я пришла в сознание, почувствовала, что я ранена, по лицу текла кровь. Не слышала шума. Я вылезла из ямы, тогда шатаясь, ушла в лес. Вечером, получив от знакомых одежду, ушла к партизанам» [3, с. 87–88; 7, оп. 1, д. 346, л. 243–247, 256].

Сразу после начала освобождения территории Беларуси соответствующие органы, наряду с комиссиями ЧГК, вели поиск нацистских преступников и их приспешников, причастных к совершению злодеяний, для предания их суду. В ряде случаев на судебных процессах приводились показания случайно выживших во время расстрелов людей. В сборнике «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года)» (1947) опубликованы следующие свидетельства. Так, Д. Г. Мирук, житель г. Борисова, показал на судебном заседании 18 января 1946 г., что 14 апреля 1944 г. он за связь с партизанами был арестован и находился в лагере рядом с фабрикой «Коминтерн»: «28 июня 1944 г., примерно в 12 час. дня, все мужчины были согнаны в один барак, а дети и женщины в другой. Конвой в лагере был усиленный. Скоро всех снова загнали во двор лагеря, женщин вывели на улицу и увезли, а мужчин свыше 600 чел., оцепленных автоматчиками и пулеметами, начали расстреливать. Я сам, раненый в грудь тремя пулями и одной в ногу, остался среди трупов, которые лежали тут же, а затем с трудом отполз к болоту и залез в сарай. Из этого сарая я видел всё, что делалось внутри лагеря, как добивали ни в чем не повинных заключенных советских граждан...» [8, с. 122–123].

Свидетельница М. Д. Виноградова, бывшая узница фашистской тюрьмы в Бобруйске, на судебном заседании 24 января 1946 г. показала о расстреле ее и других советских граждан гитлеровцами 5 апреля 1943 г. М. Д. Виноградова с пятью детьми проживала в Бобруйске. В марте 1943 г. она была арестована жандармерией по подозрению в связи с партизанами и заключена в тюрьму, где подвергалась пыткам. «Через неделю меня вывели из камеры во двор, посадили в закрытую машину вместе с мужчинами, которых было 7 чел., и повезли по Минскому шоссе в лес около дер. Еловики. Привезли нас к ямам, остановили машину. Соскакивают полицейские, жандармы и говорят: сходите с машины. Мы все сошли с машины. Полицейские стали по бокам, а жандармы сзади. Подвели к яме, приказали ложиться. Я была в середине мужчин, закрыла глаза руками и легла вдоль ямы. Когда положили мужчин, начали стрелять. Мне пуля попала в грудь. Мы лежали лицом вниз, я боялась, чтобы они не повернули меня и не посмотрели в лицо, но они не поворачивали никого. Я притворилась мертвой. Полицейские схватили лопаты и немного прикрыли нас землей. Когда ушла машина, я выкарабкалась из земли и на рассвете выбралась на Минское шоссе и добралась домой. Моей сестре уже сказали в комендатуре, что я расстреляна. После этого, чтобы не быть обнаруженной, я пряталась в течение 14 месяцев до прихода Красной Армии. О моем расстреле было напечатано в местной бобруйской газете на русском языке. В газете сообщалось о расстрелянных: Герасимове, у которого по месту работы не хватило 3 одеяла; механике, который работал заведующим сапожной мастерской, и у него не хватило 3 пары подметок; обо мне – за агитацию против вооруженных немецких сил...» [Там же, с. 337–338].

Эти показания, со ссылкой на первое издание были вновь опубликованы в сборнике документов и материалов «Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии 1941–1944 (1963)», а также приведены свидетельства еще двоих случайно выживших во время расстрелов жителей Беларуси – С. И. Пилунова и С. И. Савинской [9, с. 140–149, 188–189]. С. И. Пилунов, житель д. Присна Могилевского района был арестован гитлеровцами летом 1943 г. и почти два месяца находился под следствием в здании СД по ул. Быховская, 18 (здание бывшего педтехникума). Поводом для ареста послужило обнаружение в документах убитого полицией командира взвода 121-го партизанского отряда А. И. Якубова упоминания его фамилии. Допрашивался с применением побоев, а затем был направлен в Могилевскую тюрьму. Там он находился до 4 октября 1943 г., до времени, когда кончилась «разгрузка» тюрьмы, выражавшаяся в том, что заключенные партиями вывозились в «душегубках» за город. Пилунову выпала участь быть увезенным с последней партией заключенных, Они должны были скрыть следы гитлеровских преступлений – их заставили раскапывать места массового уничтожения, извлекать и сжигать трупы уничтоженных в 1941–1943 гг. советских граждан. После чего все они также подлежали уничтожению. Так и случилось. Однако С. И. Пилунову суждено было выжить. Пуля, пробив грудь насквозь, не задела жизненно важных органов. Придя в себя, ему удалось выбраться из под заваливших его трупов. После долгих мытарств он оказался в партизанском отряде. Его рассказ о пережитом был срочно передан в Белорусский штаб партизанского движения. Это было одно из первых свидетельств об уничтожении узников могилевской тюрьмы и о том, что гитлеровцы приступили к сокрытию следов своих массовых преступлений. Отличительной особенностью этого документа является его чрезвычайная информативность, наличие множества фамилий, важных деталей об арестованных, об уничтожении советских людей и о том, как оккупанты скрывали следы массовых убийств.

Приведем некоторые выдержки. «За период с 15 сентября по 4 октября 1943 г. я из окна камеры № 224 наблюдал совместно с товарищами погрузку заключенных в “душегубки”, которых в тюрьме было 2 шт. Совместно со мной в камере сидели: Низовцев Иван Андреевич, родившийся в 1906 году в дер. Ракузовка Тишовского сельсовета Могилевского района, связной 121-го партизанского отряда... Шпаков Георгий Алексеевич, родившийся в 1912 г. в дер. Белевичи того же сельсовета Могилевского района, связной 121-го партизанского отряда.

Гришанов Михаил, родившийся в 1914 г. в гор. Могилеве, проживал по ул. Ленина. Арестован за связь с партизанами (двоюродный брат Шпакова Георгия). Наблюдение мы все четверо производили украдкой, так как охрана, обнаруживая наблюдающих, стреляла по окнам. Погрузка в “душегубки” производилась ежедневно. В светлое время каждая из них делала по 3–4 рейса и столько же в ночное время, увозя за 1 раз 50–60 чел. В частности, я был свидетелем увоза в “душегубках” 86 чел. из личного состава 51 ба-

тальона “РОА”, арестованных во главе с командиром батальона бывшим капитаном Бондаренко за попытку перехода к партизанам. Они были увезены за один рейс в двадцатых числах сентября, приблизительно в 16–17 час. Перед посадкой в “душегубки” их заставляли раздеться. Оставив в одних кальсонах, руки завязывали назад...

Всех немцев было 10–12 чел. Они наблюдали за “порядком”, а 8–10 полицейских, раздевали направляемых в “душегубки”, убирали их одежду, выполняли всю остальную работу. Сопротивлявшихся били и, хватая за руки и ноги, кидали в “душегубки”, шум моторов которых лишь частично заглушал крики обреченных на смерть.

Таким же путем происходило дело и в остальных наблюдавшихся мною случаях... В 6 час. 4 октября 1943 г. оставшихся после “разгрузки” 280 чел. разместили на 4 трехтонных автомашинах, предварительно снабдив (не полностью) инструментом – лопатами, топорами, пилами, и повезли в район с. Пашково Могилевского района. Остановились мы на поляне, вблизи Пашковского леса, у зарытого противотанкового рва, берущего свое начало в 200 м на север от шоссе Минск – Могилев и проходящего между Старым и Новым Пашковым до болота, что севернее двух последних пунктов.

В 8 час., после завтрака (хлеб и чашка черного эрзац-кофе), часть из нас (около 40 чел.) подвели к противотанковому рву. Переводчик (из немцев Поволжья, имя Василий, фамилии не помню, в возрасте около 30 лет... объявил, не вдаваясь в детали, что нам предстоит раскапывать противотанковый ров» [9, с. 148–149].

Работая с материалами Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), мы обнаружили свидетельства жителей г. п. Туров о расстрелах мирного населения гитлеровцами летом 1941 г., во время первой массовой карательной экспедиции, вошедшей в историю под названием «Припятские болота».

В начале августа 1941 г. каратели кавалерийской бригады СС убили в д. Сторожевцы 49 человек, а затем сожгли деревню. Схваченных 9 человек повели на расстрел на деревенское кладбище. Раздались выстрелы. Оставив на земле трупы, эсэсовцы отправились в Туров. Через какое-то время один из расстрелянных пришел в себя. Это был – Левковец Николай Кириллович, раненый в лицо. Ему удалось выжить [10, оп. 91, д. 23, л. 2–4].

После освобождения г. п. Турова велось расследование обстоятельств массового уничтожения гитлеровцами жителей поселка летом 1941 г. Свидетель, Бруй Константин Карпович, 1893 г.р., житель г. п. Турова 19 декабря 1944 г. рассказал следователю М. Н. Шалыгину об обстоятельствах массового расстрела жителей города в августе 1944 г.: «Особенно мне помнится 18 или 19 августа 1941 г. Отрядом СС было собрано с поселка Туров 96 человек мужчин (их) привели в д. Ридча, после чего, отвели от деревни метров 200–300. В этой группе был и я. Когда отвели нас под конвоем от деревни, положили вниз лицом оцепили конвоем.

Отводили по шесть человек и расстреливали. Таким образом, был выведен на расстрел и я. Когда произошел выстрел, то меня ранило в шею, я упал вместе с убитыми и притворился как убитый. После меня была расстреляна еще одна партия в количестве 6 человек. После расстрела всех, все они ушли в неизвестном направлении, пролежав минут 15–20 все утихло, тогда я ползком от убитых в болото и где встретились еще 3 человека из этой партии по фамилии: Черный Кирилл Иванович, Аретовский Павел Иванович, Бруй Петр Емельянович – все они уроженцы и жители поселка Туров» [10, оп. 91, д. 23, л. 5]. Трудно представить, что пережили эти люди, лежавшие вниз головой на сырой земле в ожидании их очереди на расстрел! Чудо спасло Кирилла Ивановича Черного, 1913 г.р. При выстрелах он упал и не шевелился. Пули не задели его.

В годы войны настоящий подвиг по спасению шестерых узников Пинского гетто совершила пинчанка Софья Федоренко. На протяжении двадцати одного месяца она прятала их в погребе своего дома, рискуя ежечасно своей жизнью и жизнью своей одинокой соседки – старушки Барановской. Долгие годы она с мужем железнодорожником жила в Пинске. Муж и единственный ребенок умерли еще до начала войны. «Однажды, это было в три часа ночи, я услышала стук в дверь – вспоминала впоследствии С. Федоренко. Я сразу поняла, кто идет и сказала Барановской: “Это наверное жандармы”. Так и было. В комнату вошло несколько человек. Первым вбежала собака – настоящий волк. И тут случилось нечто совершенно непредвиденное. В углу в корзине лежала моя кошка с котятками. Когда кошка увидела овчарку, она сразу вцепилась ей в глаза. Жандармы оторвали ее от собаки. Один из них махнул рукой и сказал другому: “Пошли”. Они даже не осмотрели дом и вышли. Когда я рассказала об этом евреям, Купер¹ сказал: “Разве это не божий промысел, что кошка нас спасла”» [11, с. 244].

В конце июня 1944 г. войска правого крыла Первого Белорусского фронта, выйдя на оперативный простор, устремились из Слуцка в сторону Барановичей. Предчувствуя быстрый приход советских войск, гитлеровцы решили ликвидировать Колдычевский лагерь смерти. 1 июля наступил трагический день, когда в лагерь пришли комендант Иори, начальник внутренней охраны Калько, команда СС и СД 21 человек, которые разделили всех узников на четыре группы, а затем повезли на расстрел. В числе их были священник кельцкой Свято-Покровской церкви Георгий Александрович Хильтов, его жена Лидия Алексеевна, белорусский поэт Сергей Новиков-Пеюн (Пяюн) и его жена Людмила. Раздались выстрелы. Удалось спастись только С. Новикову-Пеюну. Раненым он упал и прикинулся убитым [12, с. 5].

«За несколько дней до бегства гитлеровских захватчиков с территории Брестской области каратели концлагеря начали массовые расстрелы узников... В воскресенье всех 18 женщин нашей камеры вывели в коридор

¹ Купер (пекарь), его жена, дочь и племянница, а также мать и дочь Ратновские прятались в подвале дома С. Федоренко.

тюрьмы и приказали раздеться до нижнего белья – свидетельствовала на допросе 24 марта 1961 года бывшая заключенная Колдычевского лагеря, случайно спасшаяся во время расстрела в июле 1944 г. В. К. Извекова. Женщины польской национальности должны были снимать и нательное белье. Всем нам связали назад руки, и повели в березняк к месту расстрела. К нашей группе еще присоединили две женщины, одного священника из м-ка Городище, фамилию его не знаю, и жителя дер. Гордейчики Барановичского района Гордейчика Антона. Когда привели нас к яме, где производился расстрел, я увидела, что место расстрела было оцеплено карателями из числа охраны лагеря... Нас привели вплотную к яме. У меня было такое состояние, что я не помню подробностей этого расстрела. В яме лежало много трупов, некоторые были еще живые и истекали кровью, некоторые издавали храп, захлебывались кровью, а отдельные пытались сдвинуться с места. Это была ужасная картина, и смотреть на нее у меня не хватало сил. Из нашей группы к каждому подходил каратель, наклонял голову узника в сторону ямы и производил выстрел в затыльную часть головы. Узник затем падал в яму...» [3, с. 75; 13, с. 75].

Архивные партизанские документы, воспоминания людей переживших войну, материалы судебно-следственных дел на бывших военных преступников, а также документы противника свидетельствуют о том, что при проведении массовых акций уничтожения мирного населения, а также при расстрелах узников тюрем, гетто, концентрационных лагерей и т.п. некоторые попытки совершения побега были успешными. При этом нередко обреченные на расстрел нападали на конвоиров и, захватив их оружие, совершали побег.

Такой эпизод произошел 11 июля 1942 г., когда группу арестованных и приговоренных к расстрелу василевичских подпольщиков везли в урочище Рубаники. Подпольщики, собрав последние силы, напали на охранявших их в машинах немцев. Но силы были слишком неравные. Истерзанные до полусмерти подпольщики не смогли победить. Однако два узника – Астапенко Павел Алексеевич и Алисейко Николай Герасимович – смогли спрыгнуть с автомашины и уйти к партизанам [14, с. 255]. Подобные случаи можно приводить и далее, как и примеры успешных побегов при уничтожении еврейского населения.

Так, водитель С. М. Конопко на допросе 12 сентября 1947 г. на вопрос о том, что ему известно о расстреле еврейского населения в Лидском районе в 1942–1943 году немецкими войсками, дал следующий ответ: «8 мая 1942 года утром в городе Лида был массовый расстрел еврейского населения немецкими войсками. В этот день было расстреляно еврейского населения 6 300 человек. В этот период, то есть в этот день, 8 мая 1942 года, была расстреляна моя семья. Расстреляли мою жену Конопко Раису и дочь семи лет Сару. 8 мая 1942 года утром, в 3 часа, немцы окружили все еврейское население, где они располагались. Это место немцы называли гетто. Все еврейское население собрали в количестве 6 300 человек и вывели на окраину гор. Лида, восточную сторону города, где были приготовлены ямы, и в этот

день они расстреляли 6 300 человек. Этот факт расстрела я сам лично видел. Я также был в этом окружении, и мне удалось сбежать со стороны окраины леса видел всё это – террористические акты расстрела. В ночь с 8 на 9-е мне совместно со своим сыном удалось уйти в лес, и я присоединился к партизанскому отряду имени Калинина, где и пробыл по день освобождения Лидского р-на от немецкой оккупации частями Красной Армии» [2, оп. 1, д. 7, л. 36–37; 3, с. 168–169].

Приведенные примеры – лишь незначительная часть хранящихся в архивах и в народной памяти фактов случайно спасшихся людей во время массовых уничтожений и расстрелов населения Беларуси нацистами и их помогатыми. Дальнейший поиск сведений будет способствовать созданию своеобразного информационного банка об этих страшных событиях и о лицах, чудом выживших в них.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье. Февраль – март 1943 г. : док. и материалы. – М. : Фонд «Ист. память», 2013. – 512 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 861.
3. Хатынская Стена памяти : док. и материалы / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, Центр. арх. Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь ; сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2016. – 377 с.
4. Памяць : Гіст.-дак. хроніка г. Баранавічы і Баранавіцкага р-на. – Мінск, 2000. – 735 с.
5. Лагерь смерти Тростенец. Док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2003. – 292 с.
6. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 : док. и материалы. – 2-е изд. – Минск : Беларусь, 1963. – 435 с.
7. НАРБ. – Фонд 1363.
8. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). – Минск : Госиздат БССР, 1947.
9. Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1963.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 7021.
11. *Розенблат, Е. С.* Пинские евреи. 1939–1944 гг. / Е. С. Розенблат, И. Э. Еленская. – Брест : Брест. тип., 1997.
12. Мікалай Хільтоў. Браты Хільтовы – святары пакутнікі // Краязнаўчая газета. – 2015. – Сакавік .
13. Архив Управления КГБ по Брестской области. – Арх.-угол. д. 19592, т. 3.
14. Памяць : Гіст.-дак. хроніка Рэчыцкага р-на : у 2 кн. / укл. П. П. Рабянок. – Мінск : Беларусь, 1998. – Кн. 1. – 503 с.